

Литература

1. Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование жизненных ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал, 1994. – № 1. – С. 3-18.
2. Дикая, Л. Г. Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы его формирования / Л. Г. Дикая, А. В. Махнач // Психологический журнал, 1996. – № 1. – С. 137-148.
3. Муздыбаев, К. С. Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. – № 6. – С. 35-41
4. Нартова-Бочавер, С. К. «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал, 1997. – № 7. – С. 20-30.
5. Никольская, И. М. Психологическая защита у детей / И. М. Никольская, Р. М. Грановская. – СПб.: Речь, 2001. – 504 с.
6. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. – СПб.: Питер, 1998. – 654 с.

УДК 159.922

З. М. Ахметгалеева

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНОЙ СЛОЖНОСТИ
КАК ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В последнее время в современной психологии усилился интерес к способам восприятия и представления человеком того мира, в котором он живет, разрабатываются принципиально новые методологии исследований, позволяющие увидеть мир его глазами. Теория Дж. Келли посвящена объяснению того, как человек строит интегрированный образ мира, помогающий ему предсказывать и контролировать события, свое поведение и поведение других людей. Основная идея теории Дж. Келли вращается вокруг понятия «личностный конструкт» [2].

Конструкты – это средства, пути толкования мира. В. И. Похилько, Е. О. Федотова следующим образом определяют конструкт: «Это особое субъективное средство, сконструированное самим человеком, проверенное (валидизированное) на собственном опыте, с помощью которого человек выделяет, оценивает и прогнозирует события, организует свое поведение, «понимает» других людей, реконструирует систему взаимоотношений и строит «образ я». Это одновременно и способ поведения, и параметр отношений и оценок, и когнитивное смысловое расчленение и противопоставление» [7]. Система конструктов составляет ядро личности. Сквозь нее, как многогранную призму, преломляются внешние воздействия. Конструкты, порождаемые испытуемым, по мнению Дж. Келли, возникают далеко не случайным образом, а являются результатом индивидуального опыта в этой сфере. Человек сам проторяет пути видения мира, в котором он живет, действительность не дает их готовыми. Накопление опыта происходит за счет формирования новых конструктов и реорганизации уже имеющейся системы конструктов.

Конструкты организованы в систему, имеющую сложную иерархическую организацию и множество подсистем. Важнейшая характеристика этой системы – «ее относительная когнитивная сложность, выражающая количество составляющих систему единиц, их разветвленность и связь» [3]. Когнитивная сложность (КС) изначально использовалась в контексте методологии теории личных конструктов,

а в настоящее время она стала фактически самостоятельной сферой исследования. Первые систематические исследования в этой области начал осуществлять Дж. Биери (Bieri G., 1955). Он определил КС «как способность конструировать социальное поведение на основе многочисленных параметров» [Цит. по: 4]. Т. Н. Курбатова пишет, что большинство авторов под КС понимают «число независимых категорий (субъективных шкал, координат субъективного семантического пространства), описывающих объекты восприятия» [4].

КС не только определяет дифференцированность сознания субъекта в некоторой содержательной области, но и взаимосвязана с гибкостью, адаптивностью реального поведения субъекта, коррелирует со степенью свободы личности в принятии решений в анализируемой содержательной области. Более дифференцированная категориальная система сознания приводит к более точной категоризации ситуации, многомерности и многоплановости ее восприятия, а значит, и более точному прогнозированию поведения других людей и более богатому репертуару поведенческих тактик самой личности. Более бедная структура сознания, когнитивно «простая» (узкое мировоззрение) – «склеенные» конструкты – приводит к упрощенному восприятию. Недифференцированный в когнитивном смысле человек, например, может всех умных считать хитрыми и злопамятными, а всех глупых наивными и добрыми и т. п.

М. А. Холодная отмечает, что существует «расщепление» полюсов КС. Так, показатель когнитивной простоты может включать в себя и обобщенную сложноорганизованную категориальную систему, и глобальную, со «слипшимися» оценками, недифференцированную. А показатель когнитивной сложности – множество разнокачественных субъективных измерений с разнообразными и вариативными связями между ними или такое же множество субъективных измерений, но со слабыми связями между собой или вовсе без них [11]. КС ни в коем случае не является интегральным показателем раз-

вития сознания. Сознание человека гетерогенно, и субъект может иметь высокую КС в одной содержательной сфере и низкую в другой [5].

КС человека в сфере межличностных отношений формально может быть определена *по количеству конструкторов*, используемых им при описании других людей. То есть количество конструкторов, свободно генерируемых испытуемыми, является одним из аспектов структуры системы конструкторов и является пригодной для ее анализа. Высокодифференцированные семантические пространства, как правило, располагают большим количеством конструкторов, и наоборот.

Однако часто при описании других, человек может повторяться, использовать синонимичные определения. В том случае, если многие из конструкторов взаимосвязаны между собой и часто в определенной мере дублируют друг друга, можно выявить сравнительно небольшое число ненаблюдаемых переменных – факторов, которые отражают наиболее существенные свойства изучаемого объекта или явления. «Нахождение и оценка этих косвенных глубинных переменных и является основной задачей факторного анализа» [1, с. 804].

Поиском и оценкой таких обобщенных категорий-факторов (по сути, «первичных» конструкторов, лежащих в основе матрицы) занимается экспериментальная психосемантика (Е. Ю. Артемьева, В. Ф. Петренко, В. П. Серкин), интерпретирующая их как категориальные структуры сознания личности, «несущие конструкции, каркас картины мира» [5, с. 107]. Поэтому следующим операциональным критерием КС может выступать *число независимых факторов* субъективного семантического пространства (модели категориальной структуры индивидуального сознания), т. е. количество оснований классификации, которыми сознательно или неосознанно пользуется субъект при дифференциации объектов.

В. Ф. Петренко говорит о соответствии числа независимых факторов-категорий КС сознания субъекта в определенной содержательной области [5, с. 102]. Количество независимых факторов, полученных при обработке данных ТРР испытуемого, свидетельствует о размерности его субъективного семантического пространства и, следовательно, о степени КС. Иерархизированный набор наиболее глобальных, универсальных категорий, определяющих построение и содержание значений, В. Ф. Петренко называет категориальной структурой индивидуального сознания.

Кроме понятия «когнитивная сложность», в психологической литературе встречается понятие «когнитивная дифференцированность», часто эти термины используются как синонимы [4, 9, 11]. Меткалф утверждал, что «...когнитивная дифференцированность – показатель того, как много конструкторов испытуемый использует для различения элементов, в то время как когнитивная сложность отражает еще и иерархические отношения между конструкторами» [Цит. по: 10].

Один из способов оценки когнитивной дифференцированности (КД) – по степени «силы связей» между конструкторами. Чем ниже средняя величина

связей между конструкторами, тем более когнитивно дифференцированным является человек. Степень КД коррелирует с точностью предсказания поведения других людей, с ассимилятивностью при восприятии других, с экстремальностью оценочных суждений (Adams-Webber J., 1979; Шмелев А. Г., 1982).

В. И. Похилько пишет, что оценить КД можно по степени «силы связей» между конструкторами, предложенной Д. Баннистером [6]. Для обозначения «силы связей» между конструкторами Д. Баннистер ввел понятие «балл интенсивности», представляющий собой «сумму квадратов баллов взаимосвязи ($p^2 \times 100$) всех конструкторов без учета знака» [10, с. 105]. «Жесткость» и «рыхлость» организации системы конструкторов он связывал с величиной коэффициентов квадратов корреляций между конструкторами. Индекс Д. Баннистера отражает степень КД человека, заполнявшего решетку. Чем больше этот индекс, тем менее дифференцированным является восприятие данным человеком описываемых им элементов, тем большее количество конструкторов повторяют друг друга, и тем более тесные и высокие корреляции характерны для данной матрицы результатов.

Однако Д. Баннистер считает, что чем в большей степени мышление нарушено, тем оно более «рыхлое» по структуре (особенно когда дело касается восприятия людей) [11]. Келли не связывал «рыхлости» мышления с патологичностью. Он писал, что наше мышление циклично: оно становится то «рыхлым», то «жестким», вновь «рыхлым» и так далее. Сначала мы стремимся получить общее представление, затем конкретизируем его и затем опять стараемся увидеть общую перспективу. В процессе обучения и освоения нового опыта КД вначале увеличивается, а затем уменьшается. Здесь включаются процессы интеграции. Нормальное развитие и состоит в том, что два процесса – прогрессивная дифференциация внутри гомогенных областей и прогрессивная интеграция (иерархизация, установление связей между подсистемами, укрупнение подсистем) – идут параллельно [6].

Для объяснения полученных результатов о связи «рыхлости» мышления с его нарушениями, Баннистер [13] выдвинул следующую гипотезу: больные шизофренией с нарушениями мышления сталкиваются с постоянной инвалидизацией своего способа конструирования (т. е. с неподтверждением ожиданий, которые следуют из их предсказаний), в результате чего система конструкторов разрушается и становится беспорядочной. Для проверки этой гипотезы была проведена серия исследований по экспериментальной валидации – инвалидизации конструкторов. Оказалось, что в случае, когда конструкторы человека подвергаются постоянной инвалидизации, система становится более «рыхлой» (уменьшаются корреляции между конструкторами).

Также для оценки КС можно использовать такой параметр, как вес первой главной компоненты (процент объясняемой дисперсии). Вес первой главной компоненты и мера Баннистера, по данным В. И. Похилько [6], коррелируют между собой в

пределах 0,7-0,9. Однако мера Баннистера является предпочтительной в тех случаях, когда мы сравниваем решетки с разным числом конструкторов, поскольку ее легко сделать относительной (поделив на число просуммированных коэффициентов корреляции).

Существующие на сегодняшний день меры КС, будучи использованы изолированно, не могут дифференцировать истинную КС от беспорядочности системы конструкторов. Для этих целей необходимо выявление артикулированности системы конструкторов, понимаемой Т. Хонессом (Honesty T.) как степень структурированности и связности ее структуры [цит по: 4]. Традиционно больным неврозами присваивают монолитную (все конструкторы сцеплены в один кластер) и фрагментарную (множество никак не связанных между собой кластеров конструкторов) системы конструкторов, а здоровым людям – артикулированную систему (несколько крупных кластеров, связанных между собой соединительными/ артикулирующими конструкторами) [4; 6; 7; 9]. Исследования в данной области были проведены П. Норрисом (P. Norris et al., 1970) и Маклуф-Норрис и ее соавторами (Makhlouf-Norris F., Jones H. G., Norris H., 1970; Makhlouf-Norris F., Norris H., 1972).

По мнению Келли, наличие какого-то конструктора при описании человеческих качеств, свидетельствует о значимости для данного человека этого качества при оценке себя и других людей. Конструкторы могут сказать о том, какие аспекты бытия интересуют человека, что ему кажется наиболее важным [10]. Чем подробнее картина мира, тем больше граней человеческого опыта отражает субъективное сознание молодых людей, тем больше смысловых категорий конструкторов использует испытуемый при заполнении репертуарной решетки.

Попытки содержательно-смысловой систематизации выявленных у испытуемых конструкторов предпринимались как за рубежом, так и у нас. Ландфилд (Landfield, 1971) на основе опыта предшествующих разработок (Mather, 1957; Lemmcke, Tuppet, 1959; Tyler, Simons, 1964; Rozencranz, 1966) предложил классификацию, состоящую из 20 оценочных категорий и названную им “посткодирование смыслового содержания конструкторов”. Приведем лишь названия выделенных им категорий: «Социальная интеракция», «Душевная сила (активность)», «Организация», «Самодостаточность», «Статус», «Конкретные описания», «Интеллектуальность», «Фантазии», «Самоотношение», «Альтернатива», «Сексуальность», «Моральность», «Внешний вид», «Эмоциональное возбуждение», «Эгоизм», «Конструкторы времени», «Чувственность», «Вовлеченность», «Экстремальные качества», «Юмор».

Среди отечественных разработок нам известны классификации «выявленных» конструкторов И. П. Шкуратовой и С. С. Смагиной. На основе диагностики межличностных отношений у разных категорий испытуемых (студенты, учителя, военные, школьники) И. П. Шкуратовой выделяются 16 категорий (классов) конструкторов [12, с. 31-34]: «отношение к другим людям», «отношение к себе», «отношение к профессиональной и другим видам

деятельности», «отношение к материальным предметам», «отношение к явлениям культуры, науки и идеологии», «мировоззренческие отношения», «свойства темперамента», «интеллект и способности», «здоровье и болезни», «эгоцентрические конструкторы», «поведенческие конструкторы», «непсихологические конструкторы», «увлечения и интересы», «вредные привычки», «сексуальная сфера», «экстраординарные конструкторы».

На основании массива конструкторов, выделенных на студенческой выборке, С. С. Смагина выделила 12 категорий, отдавая себе отчет в том, что возможна «подселекция»: «личностные черты», «социально-ролевые» конструкторы, «стилевые», «экзистенциальные» конструкторы, «отношения/пристрастия», «аффилиативные», «профессиональные», «аддитивные» конструкторы, «внешность», «интересы и увлечения», «уникальные», «неудачные» конструкторы [8, с. 13-15].

Как отмечает С. С. Смагина, все вышеперечисленные классификации носят сугубо эмпирический характер и регламентируются, как минимум, социокультурной принадлежностью, спецификой языкового конструирования, возрастным разбросом выборки. Кроме того, Ф. Франселлой (1972) были обнаружены несоответствия между категориями классификации в разных культуральных выборках (американцев и англичан), хоть и имеющих один общий язык.

Т. Н. Курбатова определяет КС как содержательную характеристику самосознания, выражающую его зрелость и проявляющуюся в его способности осознавать в себе разное [4]. Чем более когнитивно-сложен человек, тем он более способен свести в единое совершенно разные знания о себе, порой даже противоречивые, тем выше у него объем осознаваемого – вербализированных конструкторов, касающихся самых разных областей человеческого опыта. Кроме того, КС, являясь неотъемлемой характеристикой сознания, проявляется на разных уровнях, определяя диапазон поведения и степень свободы личности. Это хорошо объясняет принцип единства сознания и деятельности: сознание и деятельность, образуют нерасторжимое единство. Изучение деятельности человека в отрыве от его сознания невозможно, равно как невозможно изучение сознания человека без изучения его отношений, которые устанавливаются в ходе деятельности.

Литература

1. Владимирский, Б. М. Математика. Общий курс: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / Б. М. Владимирский, А. Б. Горстко, Я. М. Ерусалимский. – СПб.: Лань, 2004.
2. Келли, Дж. А. Теория личности. Психология личных конструкторов. – СПб.: Речь, 2000.
3. Конструкт личностный // Психологический словарь / авт.-сост. В. Н. Копорулина, М. Н. Смирнова, Н. О. Гордеева, Л. М. Балабанова; под общ. ред. Ю. Л. Неймера. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – С. 191.

4. Курбатова, Т. Н. Когнитивная сложность как объект психотерапевтического воздействия // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 4 / под ред. Е. Ф. Рыбалко, Л. А. Коростылевой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – С. 182-191.
5. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики: учеб. пособие. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997.
6. Похилько, В. И. Когнитивная дифференцированность // Общая психодиагностика / под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 238-240.
7. Похилько, В. И. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности / В. И. Похилько, Е. О. Федотова // Вопросы психологии. – № 3. – 1984. – С. 151-157.
8. Смагина, С. С. Субъективная репрезентация межличностных отношений студентов в особенностях динамики их индивидуального сознания (структурно-семантический аспект): автореф. канд. дис. / С. С. Смагина. – Томск, 2002.
9. Тарарухина, М. И. Техника репертуарных решеток Дж. Келли / М. И. Тарарухина, М. В. Ионцева // Социология: – М., 1997. – № 8. – С. 114-139.
10. Франселла, Ф. Новый метод исследования личности / Ф. Франселла, Д. Баннистер. – М.: Прогресс, 1987.
11. Холодная, М. А. Когнитивные стили. О природе человеческого ума. 2-е изд. / М. А. Холодная. – СПб.: Питер, 2004.
12. Шкуратова, И. П. Руководство по применению репертуарного теста Дж. Келли для диагностики межличностных отношений / И. П. Шкуратова. – Самара, 1998.
13. Bannister, D. Conceptual structure in thought disordered schizophrenics // Journal of Mental Science, 1960. – V. 106. – P. 1230-1249.

УДК 15.31.00

К. Н. Белогай, О. В. Зинченко

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ МАТЕРИНСКОГО ОТНОШЕНИЯ

Современные исследования свидетельствуют, что в становлении и реализации материнско-детского взаимодействия центральным и определяющим является материнское отношение. Как часть личностной сферы материнское отношение представляет собой избирательную в эмоциональном и оценочном плане психологическую связь матери с ребенком, выражающуюся в переживаниях, действиях, реакциях и возникающую под влиянием культурных моделей материнского поведения, собственной жизненной истории и личностных особенностей матери. Именно материнское отношение лежит в основе всего поведения матери, тем самым, создавая уникальную для ребенка ситуацию развития, в которой формируются его индивидуально-типологические и личностные особенности.

Все это ставит перед психологией развития ряд конкретных практических задач. Необходима разработка стратегий и методов диагностики тех отклонений в развитии материнского отношения, которые являются фактором риска неправильного развития детей. Нужны новые коррекционные и психотерапевтические подходы, направленные на изменение материнского отношения, родительской позиции и стиля воспитания по отношению к детям. А для этого необходимо в свою очередь проводить обширные исследования феноменологии материнского отношения в целом, и его структурных компонентов (оценочного, эмоционального, поведенческого) в частности. Подобным исследованиям сегодня посвящены работы таких психологов, как В. И. Брутман, М. В. Быкова, Е. О. Смирнова, Г. Г. Филиппова и др. [1-3; 5].

Процедура исследования. Нами было проведено исследование оценочного компонента материнского отношения на примере матерей, имеющих ребенка в

возрасте трех лет. Под оценочным компонентом мы понимали оценку матерью своего ребенка и оценку себя как матери.

Гипотеза нашего исследования состояла из следующих предположений:

1. Оценочный компонент материнского отношения связан с полом ребенка, возрастом матери и порядковым номером рождения ребенка.

2. Оценка женщиной своего ребенка связана с ее оценкой себя как матери.

Эмпирическое исследование проводилось в феврале-марте 2005 года. Основной базой для проведения исследования послужило МДОУ детский сад № 110 "Жемчужинка" г. Прокопьевска. Данные были получены на общей выборке из 30-ти замужних матерей. Средний возраст испытуемых 29 лет. Каждая мать имеет ребенка в возрасте от 3-х до 4-х лет (средний возраст детей 3,2 года). 53,3 % имеют дочь, 46,7 % – сына. Большинство женщин имеют средне-специальное образование. Все испытуемые проживают в г. Прокопьевске.

Для исследования применялись опросные и проективные методы. В работе использовался анкетный опрос, а также незаконченные предложения, социограмма семьи, методика "Личностный дифференциал", проективный тест "Фигуры" и модифицированная методика "Решение матерью типичных ситуаций взаимодействия с ребенком" Е. А. Савиной, О. Б. Чаровой. Остановимся на последней подробнее. Методика используется для анализа реакций матери на поведение ребенка и состоит из 10 типичных ситуаций взаимодействия матери с ребенком [4]. Для исследования мы использовали такой вариант: женщинам описывалась ситуация взаимодействия с ребенком (см. табл. 1) и предлагалось ответить на вопросы: "Что говорит